

Управляемый локальный конфликт как метод стабилизации колониального режима: на примере Французского Индокитая

КОЛОТОВ Владимир Николаевич — к.и.н., доцент, заместитель декана Восточного факультета СПбГУ, автор книги «Сайгонские режимы: религия и политика в Южном Вьетнаме, 1945-1963 гг.» (СПб.: Издательство СПбГУ, 2001)

В статье описана технология организации управляемого локального конфликта (управляемой «горячей точки») как метода стабилизации режима (на примере Южного Вьетнама); показаны отличие французской системы колониального господства от американской и причины неудач ЦРУ в Южном Вьетнаме; описаны работа французского Второго Отделения с южновьетнамскими религиозными группами и использование этих групп для борьбы с коммунистами, механизмы управления религиозной сектой и построения отношений с полевыми командирами. Статья написана на основе уникальных, ранее недоступных источников и личных встреч автора с участниками событий (резюме ред.).

История Индокитайских войн уже неоднократно становилась предметом многочисленных научных исследований, однако ни в одной из известных нам работ не предпринимались попытки рассмотреть эти события в тесной связи с религиозным фактором. Данное обстоятельство тем более странно, что основным театром военных действий как первой (1946-1954), так и второй (1955-1975) Индокитайской войны был Южный Вьетнам, где религиозные группировки контролировали более трети населения, а религиозный фактор играл ключевую роль.

Проблема становится тем более сложной, что в отечественной исторической литературе основное место занимала северовьетнамская тематика, и события в Южном Вьетнаме не получили должного внимания.

Предлагаемая читателю статья носит не компилятивный, а аналитический характер и представляет собой самостоятельное исследование, в основу которого положены результаты многолетней исследовательской работы автора во Вьетнаме. Значительный вклад внесли встречи автора с участниками описываемых событий. В числе наиболее значимых следует отметить интервью с Чан Ван Зау[1], Нгуен Динь Дау[2], Ли Тянь Чунгом[3], Ле Куанг Таном[4], Хо Шон Даи[5], а также встречи и беседы с представителями научно-исследовательских учреждений, занимающихся изысканиями в интересующей нас области.

Исследование проводилось преимущественно на основе недоступных ранее большинству ученых уникальных источников. В этой связи особо следует отметить материалы, имеющие отношение к четырем спецслужбам: французской, американской, северовьетнамской и южновьетнамской. Автор располагает копиями докладов спецслужб, приговорами закрытых заседаний, материалами мемуарного характера. Среди многочисленных источников, проливающих свет на происхождение религиозно-политических группировок и основных политических сил, особое место занимают материалы спецслужб, которые отличаются серьезным анализом реальной обстановки в стране. Это самые серьезные на сегодняшний день работы по данной тематике, при подготовке которых «священные писания» и «академические исследования», по понятным причинам, использовались весьма ограниченно. Связано это с тем, что авторы данных работ имели альтернативные источники информации, проводили самостоятельную работу по сбору материалов и во время собственно исследования руководствовались практическими задачами. Анализ и сопоставление подобных источников позволили выйти на новый уровень понимания проблемы. Значительную роль при этом сыграли факты и конкретный исторический материал, которые имеются в данных работах. Особое внимание мы обращаем на взаимодействие основных конфессиональных групп и религиозно-политических группировок с системами политической власти в Южном Вьетнаме.

В силу сложившихся в академических кругах традиций принято считать, что религиозные течения, движения и организации возникают сами по себе, а единственным источником по истории создания религиозных организаций считаются исключительно их «священные писания». Однако это не единственная точка зрения. Каодаизм, «буддизм Хоа Хао» или, как их еще называют, религиозно-политические группировки — феномен не столько религиозный, сколько идеологический. Но идеи становятся политически значимой материальной силой только тогда, когда они овладевают массами. Как писал известный русский социолог А.А. Зиновьев: «Идеи сами по себе по воздуху не летают и сами в головы людей не заползают»[6]. Должен быть идеологический механизм, который систематически работает в заданном направлении. Организовать его в кратчайшие сроки могут только власти, а власти в Кохинхине (название Южного Вьетнама в европейской литературе в период господства французских колонизаторов — прим. ред.) в указанный период были только французские.

Более того, религиозно-политическая ситуация в южновьетнамском случае обычно рассматривается без учета двух основных субъектов религиозно-политической ситуации в регионе: французских колониальных властей и национально-освободительного движения, баланс сил между которыми определял условия развития региона в целом в течение нескольких десятилетий. В силу описанных выше причин очевидна необходимость более тщательного рассмотрения реальных условий существования и взаимодействия ключевых религиозных и политических организаций.

Данная тематика уже поднималась на страницах монографии капитана французской службы безопасности А. Савани, причем рассматривалась она с французских позиций[7]. Теперь мы имеем также вполне сопоставимый труд, подготовленный вьетнамской стороной в недрах архивной службы Седьмого военного округа[8]. Причем один из его авторов, начальник отдела военной истории Седьмого военного округа, кандидат исторических наук, подполковник Хо Шон Даи во время беседы с автором в городе Хошимине в 1996 году с интересом расспрашивал о работе А. Савани, который в свое время сыграл далеко не последнюю роль в интересующих нас событиях. Хо Шон Даи заочно был знаком с А. Савани по многим документам, но до сих пор не знал о его книге, опираясь во время работы над своим исследованием в основном на материалы военных архивов, справедливо полагая, что в исторической литературе по данному вопросу больше легенд и мифов, чем достойных внимания материалов. Это редкий случай, когда две наиболее серьезные работы (заметим, что обе написаны офицерами) готовились без какого бы то ни было взаимного учета. Таким образом, труд сопоставления и анализа этих работ выпадает на нашу долю.

Наша концепция состоит в следующем. К середине 1920-х годов во Вьетнаме появилось уже несколько коммунистических организаций. Вьетнамские делегаты принимали участие в работе Коминтерна. В Москве полным ходом шла подготовка вьетнамских коммунистических кадров, что подробно описано в монографии А.А. Соколова[9].

Ситуация требовала от французского военного командования применения превентивных мер. Территориальный контроль, осуществлявшийся силами экспедиционного корпуса, не гарантировал от массовых антифранцузских выступлений. Проблема явно не имела простого военного решения. Основная стратегическая задача, которую ставили перед собой колониальные власти, требовала перевести колониальную войну в религиозную.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что интернациональный коммунистический режим в Москве оказывал содействие созданию национального режима во Вьетнаме во главе с Хо Ши Мином, а французский колониализм работал в направлении создания религиозно-политических группировок, которые бы имитировали антифранцузское движение на региональном уровне. Любопытно, что продукты деятельности как французского колониализма, так и СССР существуют до сих пор и ведут

между собой непрекращающуюся борьбу вот уже восьмой десяток лет, в то время как и СССР, и французские колониальные спецслужбы уже ушли в прошлое.

В технологическом плане речь шла о создании управляемых горячих точек (выделение везде наше — ред. «Профи»), или региона, где колониальные власти могли бы защищать свои интересы с большей степенью эффективности. В качестве структурных элементов такой модели лучше всего использовать религиозные секты или религиозно-политические группировки, которые и были созданы в относительно короткие сроки. Первый опыт колониальные власти приобрели в процессе создания группировки Као Дай (1926 год). Второй случай связан с организацией «буддизма Хоа Хао» (1939 год).

В итоге в 1945-1954 годах французским колониальным режимом в Южном Вьетнаме был организован управляемый локальный конфликт, основными структурными элементами которого выступали религиозно-политические группировки Као Дай и Хоа Хао, а также криминальная организация Бинь Сюйен.

Вот как выглядит предыстория. После вооруженного захвата Вьетнама, начатого в середине XIX века, колониальные власти в начале XX века продолжали борьбу с национально-освободительным движением. Традиционные формы и методы партизанской войны себя уже не оправдывали, национально-освободительное движение (НОД) развивалось по новым направлениям, постоянно приспосабливаясь к меняющимся условиям. В частности, оно испытывало острую нужду в подготовленных кадрах, а также в соответствующей идеологии, способной сплотить массы на борьбу с колониальным режимом. Партизанские методы в новой обстановке себя уже не оправдывали.

До середины 1920-х годов французские колониальные власти ограничивались полумерами, вполне достаточными для решения вопросов с местным НОД.

Даже беглый (но трезвый) анализ политической ситуации во Вьетнаме того времени показывает, что волны нарастания НОД до середины 1920-х годов:

1. были тесно связаны со стремлением иностранных держав (Япония, Китай) укрепить свои позиции в Индокитае;
2. не имели собственных источников финансирования;
3. в силу непрофессионализма не имели никаких шансов не только на успех, но и не могли претендовать даже на то, чтобы представлять какую бы то ни было реальную угрозу для колониального режима;
4. легко пресекались колониальной администрацией.

Начиная со второй половины 1920-х годов, ситуация стала быстро меняться. Связано это было с появлением на территории бывшей Российской империи государства нового типа, которое активно занималось «экспортом революции», куда органично входила подготовка революционных кадров для колониальных и зависимых стран. Это уже было новое поколение профессиональных революционеров, которые знали, что и как надо делать. Экспорт отработанных в метрополии идеологических учений позапрошлого века, в первую очередь трудов французских утопистов, в колонии уже не мог выполнять своей основной идеологической функции. Против людей, прошедших в Советской России всестороннюю подготовку, такие методы себя уже не оправдывали.

Именно в данный период колониальная администрация начинает разрабатывать свою антикризисную методику борьбы против противника нового типа.

Ситуация характеризовалась следующим образом: в регионах наблюдаются стабильно высокий уровень недовольства колониальным режимом, антифранцузские настроения, постоянная готовность населения принимать участие в восстаниях, несмотря на их обреченность, и, наконец, появление настоящих профессиональных революционеров, которые имеют знания, средства и тесные связи с международным коммунистическим движением.

Французские спецслужбы могли сидеть и ждать появления мощного НОД общенационального масштаба или предложить свой вариант развития событий. Анализ

последующего развития религиозно-политической ситуации в Кохинхине показывает, что французские власти предпочли направить события по иному пути.

В 1926 году было объявлено об образовании нового религиозного учения под названием каодаизм. На презентацию был приглашен весь тогдашний бомонд во главе с верховным резидентом Кохинхины. Если опустить сопутствующие данному событию легенды и мифы, то можно отметить, что во главе новой религии стояли бывшие чиновники колониальной администрации Кохинхины. Землей обетованной был избран город Тэйнинь, который находится на расстоянии 90 км к северо-западу от Сайгона. В Тэйнине начали строить гигантский храмовый комплекс — каодаистскую Священную Резиденцию. В регионах началось массовое строительство приходов (к 1932 году их было уже 128!). Затем начали появляться первые верующие уже из числа крестьян. Привлечение в секту шло под полуправильной антифранцузской пропагандой. В агитационных материалах подчеркивалось, что группировка имеет антифранцузский характер. Причем в то время, как все остальные реально антифранцузские силы подвергались жестоким репрессиям, каодаизм пользовался покровительством властей.

В 1939 году появляется еще одна секта — «буддизм» Хоа Хао. Отметим сразу, что ортодоксальная буддийская церковь в ужасе отрешивается от таких единоверцев. Характерно время появления этой секты: к 1939 году французский колониальный режим в Индокитае оказался в сложном положении. За несколько лет до этого, в 1936 году, во Франции пришел к власти Народный фронт, что оказало определенное влияние на политическую ситуацию в колонии. Коммунисты получили свободу действий. Если раньше французские спецслужбы без особых проблем вылавливали вьетнамских коммунистов даже за границей, то теперь у них были связаны руки и в собственных колониях. Политика Народного фронта привела к активизации деятельности коммунистических ячеек со всеми вытекающими отсюда последствиями.

14 июня 1940 года фашисты оккупируют метрополию, а 22 сентября 1940 года японские войска захватывают северную часть Индокитае. Колониальный режим оказывается в критическом положении. 23 ноября 1940 года в Кохинхине (в провинциях Задинь, Биенхоа, Митхо, Кантхо, Ратзя, Баклиеу) вспыхнуло восстание. На его подавление были брошены войска и полицейские части (вновь, как и в 1930-1931 годах, при подавлении восстания Национальной партии, с применением авиации). Войска окружили Тростниковую долину — болотистый район, где укрылись восставшие. Около 100 человек было убито, 6000 арестовано. Смертные приговоры были вынесены руководителям восстания, видным деятелям Коммунистической партии Индокитае (КПИК) — Нгуен Тхи Минь Кхай, Ха Хюи Тапу, Нгуен Ван Кы. В результате этих тяжелых репрессий самое боевое и самое организованное подразделение КПИК — кохинхинская организация — было почти полностью разгромлено, что на несколько лет почти парализовало коммунистическое движение на юге Вьетнама. После 1940 года центр коммунистического движения переместился на север страны.

Отметим одну очень важную, на наш взгляд, особенность, на которую почему-то не обращают внимание пишущие на эту тему. В ноябре 1940 года, почти через полгода после оккупации Франции, почти через два месяца после захвата японской армией северной части Индокитае «с согласия» Франции, колониальные власти нашли силы для подавления вооруженного восстания в Кохинхине! Отметим также, что восстание не было поддержано в провинции Тэйнинь, районе распространения каодаизма, а также в провинциях Тяудок, Садек и Лонгсюен, где получил широкое распространение буддизм Хоа Хао. Основная база восстания находилась в Тростниковой долине, в то время провинции Тэнан — болотистом районе, который, кстати, расположен между районами влияния группировок Као Дай на севере и Хоа Хао на юге, с территории которых, следовательно, и велось наступление на основную базу восстания.

Отметим еще одну деталь. В 1954 году А. Савани писал, что провинции Тяудок и Лонгсюен почти полностью состоят из адептов Хоа Хао, а в провинциях Садек и Кантхо

количество последователей Хоа Хао достаточно велико. Напомним, что организационно эта группировка оформилась в 1939 году как раз накануне кохинхинского восстания. Причем вербовка адептов в секту проводилась при помощи легальной антифранцузской пропаганды. В результате уже через год (!), с началом мощного массового антифранцузского восстания, провинции Тяудок, Садек и Лонгсюен его НЕ поддержали. В число восставших провинций попала только Кантхо, да и то не в качестве наиболее активной. А пять лет спустя, в 1945 году, когда войска французского экспедиционного корпуса вновь вернулись во Вьетнам, в провинции Кантхо, а также других провинциях, где получили распространение «новые религии», все было спокойно. На наш взгляд, это отнюдь не случайно и напрямую связано с появлением и развитием религиозно-политической группировки Хоа Хао.

Итак, в условиях нарастания национально-освободительного движения, колониальные власти создают религиозную секту Хоа Хао. Данный маневр позволяет парализовать патриотическое движение на определенной территории.

Мы считаем, что причиной столь интенсивного количественного роста группировки Хоа Хао на данном этапе послужила политика французских колониальных властей, которые намеренно создали благоприятные условия для развития секты. Причем население вступало в новую веру в поисках защиты от преследований колониальных властей, а не в поисках «душевного комфорта» или в результате сознательного изучения пророчеств патриарха Хуиня и признания прогрессивности и верности его воззрений. Крестьяне как основной объект воздействия колониальных властей — масса инертная, консервативная, неграмотная, которая просто так своих привычек и традиционного уклада не меняет. Нужны экстраординарные условия, которые в один прекрасный момент выбивают достаточно значительный процент населения из привычного уклада жизни, когда все меняется местами. Таким чрезвычайным событием и стало подавление организованного партийной организацией восстания, когда террор колониальных властей вселил ужас в значительную часть крестьян. В атмосфере хаоса и репрессий, в состоянии паники и страха, стремясь спасти свою жизнь, найти защиту крестьяне становились адептами Хоа Хао, потому, что, просуществовав всего лишь год, группировка Хоа Хао уже могла эту защиту предоставить. При этом не следует забывать о том, что альтернативная идеология, которую предлагают в обмен за спасение от репрессий колониальных властей, не должна шокировать простого человека. В данных исторических условиях идеологией такого рода могла быть только доктрина, близкая по форме к буддизму.

Другой пример. Ровесники каодаизма — Национальная партия и Товарищество революционной аннамской молодежи — были практически полностью уничтожены в течение очень недолгого срока с момента образования, а вот с каодаизмом, который, в отличие от революционных организаций, создавался не за границей, куда по соображениям безопасности стремились вьетнамские революционеры, а в Кохинхине, в колонии, под боком у колонизаторов, этого почему-то не произошло.

Явно не случайно колониальные власти беспощадно расправлялись с партизанским, а затем и революционным движением, с национальной партией, различными коммунистическими организациями и т.д. А вот религиозно-политические группировки в то же самое время почему-то пользовались льготами.

Колониальные власти были в состоянии подавить любое неудобное им движение не только на территории Индокитайского союза, но и за границей, где, как правило, и создавались оппозиционные колониальному режиму политические партии и организации. Из этого следует, что французские колониальные власти поддерживали тепличные условия для создания и развития каодаизма.

Религиозно-политические группировки были интегрированы в систему колониального управления, имели свои политические партии, вооруженные силы, налоговые органы, суды и прочие атрибуты власти. Отметим, что в 1950-х годах они в

совокупности так или иначе контролировали более трети населения Кохинхины. Их вооруженные отряды насчитывали десятки тысяч хорошо обученных и фанатичных бойцов.

Колониальные власти пытались перевести борьбу на уровень внутриэтнического межконфессионального конфликта, замкнуть его на местном населении, сохраняя при этом за собой роль верховного арбитра. Такая политика позволяла обескровить национально-освободительное движение, атомизировать общество, расколоть его на враждующие группы, манипулируя которыми колонизаторы могли бы сколь угодно долго сохранять за собой господствующие позиции в колонии и протекторатах.

Таким образом, организация управляемого локального конфликта на региональном уровне позволяла французскому военному командованию стабилизировать ситуацию с национально-освободительным движением в Южном Вьетнаме.

Оригинальность идеи заключалась в том, что планировалось создание религиозной организации подконтрольной властям, но с видимой антиколониальной направленностью. В процессе формирования местных организационных структур велась усиленная антифранцузская агитация. Иными словами, речь шла об имитации антифранцузской религиозной организации. Это позволяло привлекать в секту наиболее активные антифранцузские силы, а поскольку антифранцузские настроения сохранялись в качестве постоянно действующего фактора, новую тактику можно было уподобить использованию энергии ветра.

Мирская жизнь «новой веры» строилась по совершенно иным канонам, отличным от примитивных «священных писаний». Каодаистские историографы до сих пор не понимают даже этимологии собственной иерархии, не говоря уже о теологии и о реальном функционировании каодаистской церкви, нити управления которой терялись в недоступной для их взоров высоте. Передовым элементом было внедрение отработанных технологий управления феодального периода. Оказалось, что для удержания контроля над колонией такие механизмы были вполне эффективны. Вот как это выглядело на практике.

После оформления основных структурных институтов «новой религии» происходит ликвидация части основоположников. В среде многочисленных учеников начинаются конфликты за право контроля за чистотой учения. Колониальная администрация закрепляет за региональными лидерами некие территории и снабжает их оружием. Таким образом, получают владения феодального типа — феодалы. Известно, что феодал — земельное владение, пожалованное сеньором своему вассалу при условии несения службы. Владельцем феодала являлся феодал, эксплуатирующий зависимых от него крестьян. Сложившаяся в Южном Вьетнаме система управления частично напоминала средневековую Францию, в которой крупнейшим феодалом-землевладельцем была церковь. Отличие Кохинхины заключалось в том, что верховным сеньором над местными феодалами было французское военное командование.

Итак, при активном участии колониальной администрации в Кохинхине была создана ситуация, при которой во главе феодалов стояли эксплуатировавшие крестьян полевые командиры. Их деятельность проходила под религиозными лозунгами и оправдывалась борьбой с неверными. Основными каодаистскими полевыми командирами были Чинь Минь Тхе, Нгуен Ван Тхань, Нгуен Тхань Фыонг, Чан Куанг Винь. В Хоа Хао на первые роли выдвинулись Чан Ван Соай (Нам Лья), Лям Тхань Нгуен (Хаи Нгоан), Нгуен Зак Нго, Ле Куанг Винь (Ба Кут). У каждой группировки были довольно обширные владения, которые ревностно охранялись от конкурентов. Однако у всех упомянутых выше полевых командиров вне зависимости от религиозной принадлежности была одна общая особенность. У всех был один и тот же сюзерен — французское командование. Сюзерен выполнял свои функции по отношению к полевым командирам только при условии несения службы с их стороны, которая заключалась в борьбе с местным национально-освободительным движением. Таким образом, основным направлением

работы колонизаторов в Кохинхине было насаждение элементов феодализма на региональном уровне.

Отсюда следует, что суть колониальной политики Франции состояла в экспорте отработанных в метрополии технологий управления, что и было реализовано в Кохинхине в виде системы коллективной безопасности. Эта передовая по тем временам технология значительно опережала последующие попытки проведения «Операции X», вьетнамизации, эскалации, ведения локальной или особой войны и пр. В результате проведения этой операции французы превращались из одной из сторон, вовлеченных в конфликт, в верховного арбитра, который вместо кровопролитных боев в джунглях мог, не выходя из сайгонских кабинетов, решать, кто прав и кто виноват, кого следует наказать, а кого надо поощрить.

Вот как это осуществлялось: в организационном плане группировки (каодаизм и Хоа Хао) были расколоты на несколько враждовавших частей или сект. Внутренние конфликты касались не только места под солнцем, права сбора налогов на подконтрольных территориях, но и некоторых сугубо религиозных моментов. Таким образом, группировки представляли собой конгломерат сект, где реальная власть находилась в руках полевых командиров. Французское военное командование признавало секты в обмен на их обязательство очистить регионы своего влияния от коммунистов. Реальное управление группировками в целом находилось в руках французского военного командования, которое считало вооруженные формирования группировок своими дополнительными силами (*lesforcessuppletives*).

Конфликт между традиционными верованиями, с одной стороны, и религиозными сектами и католичеством — с другой, позволял увеличить количество участников конфликта до такой степени, что фактически устранялась возможность сговора между ними против колониальной администрации. В данном случае речь идет об очень важной методике решения проблем. Если мы абстрагируемся от военизированных католических отрядов, то получим следующие условия.

Первоначально борьба велась один на один (колонизаторы против национально-освободительного движения). Прогнозирование возможных результатов такого конфликта вряд ли устраивало французское командование — слишком велик риск и высоки затраты. В новых условиях французы не просто увеличивали количество участников — они увеличивали количество подконтрольных им участников конфликта. В этой ситуации они воевали чужими руками, да и ставки уже были не один к одному, а, при самых скромных подсчетах, один к трем (Као Дай, Хоа Хао, Бинь Сюйен) или, что более соответствует действительности, один к восьми (если учитывать отряды основных полевых командиров, деятельность которых командование контролировало напрямую, минуя «духовных лидеров»). Как в таком случае будут выглядеть перспективы противоборства в джунглях?! Конкретный исторический материал наглядно показывает стагнацию освободительного движения в регионе уже во второй трети 1940-х годов. После дезинтеграции созданной французами системы в 1954 году коммунисты смогли восстановить свои базы на юге только к 1960 году.

Общая методика создания подобного вооруженного религиозного конфликта выглядит следующим образом. Сначала создаются организационные структуры, которые начинают систематическую пропаганду доктрины, легенд и мифов относительно основания «новой религии» и исключительных заслуг основателя и его учеников. Затем начинается вербовка неофитов и массовое обращение местных жителей. Причем чем круче методы, тем больше фанатиков. Когда их численность доходит до определенного уровня, происходит ликвидация духовного лидера, причем ответственность возлагается на «враждебное окружение». После этого в стане ближайших учеников и соратников возникают споры на предмет лидерства, что провоцирует раскол «новой религии» на несколько враждебных друг другу сект. Взаимная неприязнь вызывает необходимость создания вооруженных отрядов и зон влияния во главе с полевыми командирами. Таким

образом, патриархи и основоположники, сделав свою часть работы, сходят со сцены, уступая место более энергичному слою — руководителям военизированных формирований.

Итак, сектанты противопоставлены традиционным культам и другим сектам, создано враждебное окружение. В этих условиях единственным союзником становится колониальная администрация. Религиозный фактор позволяет надолго закрепить состояние «войны всех против всех», а наличие у участников такого перманентного конфликта общего союзника в лице колониальной администрации переводит этот конфликт на управляемую основу. Причем искренний фанатизм неофитов позволяет их использовать почти бесплатно, а поставки оружия полевым командирам с лихвой окупают затраты на техническую организацию и составление «священных писаний». Причем в данных условиях полевые командиры вынуждены учитывать мнение кураторов в своей священной ежедневной борьбе с окружением в плане выбора текущего врага, поскольку в случае непослушания не возникнет даже необходимость ликвидации или карательной экспедиции. Достаточно просто прекратить поставки вооружений, и суровая рука собратьев по вере или враждебного окружения приведет в исполнение приговор, вынесенный в далеком Сайгоне.

Колониальные власти пытались перевести борьбу на уровень внутриэтнического межконфессионального конфликта, замкнуть его на местном населении, сохраняя при этом за собой роль верховного арбитра. Такая политика позволяла обескровить национально-освободительное движение, атомизировать общество, расколоть его на враждующие группы, поддерживая которые колонизаторы могли бы сколь угодно долго сохранять за собой господствующие позиции в колонии и протекторатах. На конкретном историческом материале четко прослеживается стремление французского командования пойти по пути дальнейшей вьетнамизации конфликта, сделать так, чтобы с коммунистами воевали каодаистские, хоахаоские или католические отряды.

Но для того, чтобы перевести конфликт на постоянно действующую основу, чтобы он приобрел перманентный характер, следовало помимо политического и национального раскола освободительного движения создать политически значимые религиозные группы внутри вьетнамского этноса. Причем религиозный фактор в конкретных исторических условиях должен был способствовать закреплению признака и передаче его из поколения в поколение. Во Вьетнаме членство в политической партии, в отличие от религиозной принадлежности, по наследству не передается, а распространенный во Вьетнаме культ поклонения предкам как раз и способствует закреплению и наследованию признака (например, «каодаист»). Это тот случай, когда национальные традиции (культ предков) используются против борьбы за национальную независимость. Хотелось бы сразу отметить явный деструктивный характер католичества и религиозных сект по отношению к национальной культурной традиции.[10]

Известно, что именно религиозная группировка как форма организации масс позволяет организовать устойчивое к внешним воздействиям движение в заданном направлении, поэтому, решив вопрос с массовыми крестьянскими выступлениями, колонизаторы обеспечивали себе более спокойные условия господства и эксплуатации колоний.

Комментируя данные диаграммы, можно заметить, что появление каодаизма и буддизма Хоа Хао привело к тому, что буддизм потерял почти половину своих приверженцев. Возрождение национальных традиций явно не входило в планы колониальной администрации, а вот создание религиозных суррогатов, наоборот, способствовало дезинтеграции туземного общества и стабилизации колониального режима. (Диаграмма «Соотношение численности религиозных групп в Южном Вьетнаме в 1955 г.»)

В годы своего расцвета (1945-1955) южновьетнамские секты в совокупности контролировали около 1/3 населения Кохинхины. После освобождения Южного Вьетнама

в 1975 году северяне приняли меры для наведения порядка в регионах распространения «новых религий», однако секты в полной мере сохраняют свой разрушительный потенциал, в отличие от сайгонских политических партий — например, вряд ли можно всерьез говорить о сохранении социальной базы какой-нибудь Социал-демократической или Конституционной партии, Трудовой персоналистской партии (ТПП) или, к примеру, отрядов Бинь Сюйен.

Таковы были общие соображения, лежащие в основе создания религиозно-политических группировок Као Дай, Хоа Хао, а также ТПП в 1954 году. Причем и в том, и в другом случае, скорее всего, использовался организационный опыт «вероятного противника». В первом случае позаимствовали советский опыт коллективизации и троек особого совещания (ср. с каодаистским трибуналом трех религий). Во втором — организационную структуру коммунистической партии, заменив коммунистическую начинку католической.

Высшим достижением французской технологии управления следует считать СКБ (систему коллективной безопасности), которая впервые была описана в кандидатской диссертации В.Н. Колотова[11]. Ее основными структурными элементами были вооруженные отряды религиозно-политических группировок Као Дай и Хоа Хао, а также отрядов Бинь Сюйен. Эта СКБ позволяла французским властям в известном смысле регулировать уровень национально-освободительного движения. Именно с помощью этой системы колониальным властям удалось к концу 1940-х годов полностью нейтрализовать национально-освободительное движение в региональных рамках Кохинхины. «Новые религии» в данном контексте могут рассматриваться как инструмент разрушения национальной культурной и религиозной традиции, а также национально-освободительного движения. Уже в конце 1940-х — начале 1950-х годов вопрос с национально-освободительным движением на территории Кохинхины в целом был решен. Вернее, колониальными властями был найден принципиальный путь к эффективному решению проблемы национально-освободительного движения с данным типом культуры.

В одной из предыдущих статей[12] нами уже было описано территориальное расположение позиций, на которых располагались вооруженные отряды религиозно-политических группировок и патриотических сил в Южном Вьетнаме. Анализ этих данных позволил сделать вывод о том, что вооруженные отряды религиозно-политических группировок выполняли роль буфера между патриотическими силами и отрядами французского экспедиционного корпуса, взяв на себя основное бремя кровопролитных боев в джунглях.

Начальник отдела военной истории Седьмого военного округа подполковник Хо Шон Даи в своей книге «Боевые районы в восточной части Намбо»[13] приводит следующее расположение находившихся под контролем Вьет Миня крупных районов: горный район Зьонгминьяу, на севере от Тэининя; военная зона «Д», находящаяся к северо-востоку от Сайгона; так называемая Тростниковая долина, или Донгтхапмьой; Жынгсак[14], расположенный южнее Сайгона, и, наконец, военная зона Сюйенфыокко, размещенная на востоке от Сайгона, на побережье Южно-Китайского моря, около населенного пункта Сюйенмок. ("Вьетнам-Док-Лап-Донг-Минь", сокращенно "Вьет-Минь" — Союз борьбы за независимость Вьетнама, созданный в мае 1941 года по инициативе коммунистов с целью объединения всех патриотических сил для борьбы с захватчиками — прим. ред.). Заметим сразу, что все эти освобожденные районы находились либо в болотах, либо в горах. На той же карте «Некоторые крупные боевые районы в восточной части Намбо в 1945–1954 гг.» Хо Шон Даи обозначает стратегические дороги: 1, 4, 13, 14, 15, 20, 22. Причем ни одна из этих дорог не проходит через контролируемые Вьет Минем территории. Получается, что, с одной стороны, Сайгон находится в кольце боевых районов Вьет Миня, а, с другой стороны, партизаны НЕ контролируют стратегически важные высоты и дороги и, что более важно, блокированы в

своих освобожденных боевых районах благодаря деятельности религиозно-политических и криминальных группировок.

Для более наглядного представления данного положения мы составили карту «Расположение основных сил религиозно-политических группировок, отрядов Бинь Сюйен и Вьет Миня в Кохинхине в 1954-1955 гг.». Источником для этой карты послужили преимущественно французские, северовьетнамские и американские военные материалы. Анализ военных карт того времени позволяет выявить одну любопытную особенность. На картах нанесены либо позиции Вьет Миня, либо позиции каодаистов, либо позиции сторонников «буддизма Хоа Хао», либо позиции отрядов Бинь Сюйен. При более тщательном поиске можно обнаружить карты с позициями религиозно-политических группировок и отрядов Бинь Сюйен, но почему-то нет карт, на которых одновременно были бы нанесены позиции патриотических сил и религиозно-политических группировок. Ниже мы предлагаем читателю именно такую карту.

При первом же взгляде на эту карту мы обнаруживаем, что границы владений основных полевых командиров практически повторяют по внешнему контуру очертания освобожденных районов, находившихся под контролем патриотов.

Поначалу пестрота феодальных владений полевых командиров может сбивать с толку, но если мы закрасим одним цветом позиции религиозных и криминальных образований, то увидим, что все освобожденные районы были блокированы со стороны Сайгона.

Район Зыонгминьтяу с юга блокирован тэйниньской группировкой, Тростниковая долина находится в кольце вооруженных отрядов Као Дай (на севере) и Хоа Хао (на юге), а активность партизанских подразделений в боевом районе «Д» блокировалась расположенным в местечке Тхузаумот отрядом каодаистов; базы, находящиеся в Жынгсак и Сюйенфыокко, нейтрализуются деятельностью отрядов Бинь Сюйен на суше и французским флотом на море.

Приведенные выше положения в принципе снимают вопрос о том, как оценивать деятельность религиозно-политических группировок Као Дай и Хоа Хао в указанный период.

Данный вывод противоречит распространенному мнению, одним из выразителей которого является южновьетнамский историк Фам Ван Шон: «В наше время мы не можем отрицать искренние патриотические чувства руководителей каодаизма»[15]. Видимо, никто из любителей порассуждать о национальных корнях группировок Као Дай и Хоа Хао, об их вкладе в защиту свободы и независимости Вьетнама так и не удосужился нанести на карту боевые районы патриотических сил и места дислокации религиозных сект, иначе мы не встречали бы подобных теорий на страницах научной литературы.

Таким образом, выступления патриотических сил были локализованы, и проблема национально-освободительного движения в рамках Южного Вьетнама была фактически решена. Особую роль в этом сыграли религиозно-политические группировки, которые и несли на себе значительную часть операций по «умиротворению».

Создание подробной Системы коллективной безопасности не может быть признано результатом случайного стечения обстоятельств. Очевидно, что в данном случае речь идет об одной из операций долгосрочного стратегического планирования, разработанной в недрах французской военной разведки.

«Французская система господства, в отличие от английской и нидерландской, никогда не относилась к местным обществам как к самостоятельным явлениям, не признавая за ними права ни на свои институты, ни на свое мышление»[16]. Отсюда и стремление колониальных властей организовать некое подобие вьетнамских патриотических организаций по форме, но профранцузских по существу.

Следует также объяснить особенности организационной структуры СКБ. Вверху расположен уровень управления, ведущую роль в котором играло французское Второе отделение. Именно с этих высот раскрывалась реальная картина происходящего на

нижней ступени. Снизу находится исполнительный уровень с основными структурными элементами — вооруженными отрядами религиозно-политических группировок, а также отрядов Бинь Сюен, где господствовали порядки времен развитого феодализма. Здесь же следует упомянуть еще один элемент системы, а именно базы Вьет Миня, который выступал в роли основного противника создателей системы и на которого была обрушена вся ее мощь.

Система коллективной безопасности

Коллективный аспект системы состоял в неразрывном единстве управляющего и исполнительного уровней. Ликвидация любого из этих уровней означала полный развал всей системы. Французы не могли подавить патриотическое движение без исполнительного уровня, а исполнительный уровень в лице основных полевых командиров в случае потери покровительства и руководства со стороны уровня управления приобретал весьма незавидные перспективы: отношения между расположенными на этом же уровне элементами системы — как полевыми командирами, так и патриотическими силами — поддерживались достаточно напряженными.

Религиозно-политические группировки были поставлены в такое положение, что в целях самосохранения были вынуждены воевать на стороне колонизаторов. Другого пути у них не было. В те годы только французы признавали право на существования религий Као Дай, Хоа Хао и отрядов Бинь Сюен. Коммунисты, неся в боях серьезные потери, разумеется, не могли пойти на признание за религиозно-политическими группировками свободы культа и сохранение автономий. В таких условиях возможность сговора между ними была фактически невозможна, а французы, периодически оказывая полевым командирам знаки внимания и применяя продуманную систему поощрений и наказаний, имели возможность направлять их деятельность в желаемом для себя русле. Французское военное командование могло ликвидировать любого полевого командира, но оно было заинтересовано в наличии института полевых командиров и, в конечном счете, в сохранении системы управления в целом. Полевые командиры, со своей стороны, прекрасно понимали, что их ждет в случае прихода коммунистов к власти и были кровно заинтересованы в сохранении своих автономий, а также в поддержке своей «святой борьбы» против «язычников» со стороны французского командования. Именно на этой основе крепла взаимная заинтересованность, осознание общего врага и понимание условий сохранения системы коллективной безопасности.

Это обстоятельство объясняет феномен «диссидентства» некоторых полевых командиров, который описывается в монографии капитана Второго отделения А. Савани[17]. В этой связи можно вспомнить Ле Куанг Виня, который иногда, спалив французский объект, уходил в джунгли, где за ним, помимо французов и единоверцев, гонялись еще и коммунисты. После скитаний по джунглям он вновь возвращался под защиту французского командования, которое принимало «блудного сына». Через некоторое время все повторялось.

Желаемый результат достигался благодаря увеличению количества вовлеченных в конфликт сторон. Если раньше национально-освободительному движению противостояли французы, то в результате создания системы коллективной безопасности ему противостояли уже до зубов вооруженные соотечественники. Эти фанатики до последней капли крови были готовы защищать свои селения от коммунистов, которые знали, кто на самом деле стоит за боевиками.

В материалах Отечественного фронта Вьетнама создателями каодаизма называются французские разведчики. В документе под названием «Приговор по делу о контрреволюционной деятельности некоторых реакционных элементов в руководящих кругах секты Као Дай (Тэининь)» написано, что «появление секты Као Дай — это подготовленный и осуществленный французскими колонизаторами процесс, которым

непосредственно руководили французские разведчики Боннэ, Лапатис и губернатор Кохинхины Леполь»[18]. Там же приводятся агентурные номера основных каодаистских иерархов. Данное издание представляет собой нечто вроде выписки из более крупного документа, вернее, политического или уголовного «Дела», полный вариант которого до сих пор скрыт от широкого круга исследователей.

В настоящее время уровень исследованности данной проблемы позволяет поставить вопрос о несоответствии канонической истории каодаизма и буддизма Хоа Хао реальной мирской истории этих группировок. Причем стремление скрыть правду прослеживается как со стороны нынешних вьетнамских властей, которые стремятся таким образом сохранить политическую стабильность, так и со стороны создателей каодаизма, которые пытаются использовать секту в своих интересах.

В результате введения в действие СКБ возникла новая комбинация, при которой французы оказывались уже не одной из истекающих кровью сторон, а выступали в роли верховного арбитра, который великодушно оказывал помощь оружием всем вовлеченным в конфликт группировкам, кроме коммунистов.

Следует добавить, что все это проходило на фоне политической нестабильности. В Сайгоне постоянно сменялись премьер-министры, правительства, появлялись новые государственные образования. Каким образом соотносится эта кажущаяся неразбериха с известной стабилизацией колониального режима в целом?

Во-первых, реальная власть в стране находилась в руках французского военного командования, а не сайгонских правительств и религиозно-политических группировок. Во-вторых, по виду противоречивые стремления полевых командиров религиозно-политических группировок на самом деле являлись теми силами, из коих складывалась нужная равнодействующая. Таким образом, чем сильнее была религиозно-политическая неразбериха и чехарда сайгонских правительств, тем крепче была власть французского командования.

В описываемой системе очень важен принцип равенства, который поддерживался между нижестоящими структурными элементами системы, поскольку именно необдуманное отступление от правила «равенства рабов между собой» и послужило одной из основных причин поражения при Дьенбьенфу (деревня на северо-западе Вьетнама неподалеку от лаосской и китайской границы. Там находился хорошо укрепленный французский форт, который, тем не менее, был взят отрядами Вьет Миня 7 мая 1954 года — прим. ред.). С другой стороны, западные спецслужбы, создавая многоуровневые системы управления, заботились о том, чтобы без их кураторов низовые звенья системы были нежизнеспособны. Именно поэтому полевые командиры были вынуждены из чувства самосохранения цепляться за французских, а позднее и за американских советников, понимая свою обреченность без иностранной поддержки. Советский опыт, наоборот, основной упор делал на подготовку кадров, способных самостоятельно развивать национально-освободительные движения в колониях.

Организационная структура СКБ оказалась весьма стабильной и устойчивой по отношению к деструктивным тенденциям со стороны исполнительного уровня. Слабым звеном системы является уровень управления. Именно с нарушения этого баланса в структуре и началось разрушение СКБ. Речь идет о появлении второго управляющего центра (ЦРУ) в период 1954-1955 годов, который находился в состоянии непримиримого конфликта с первым. Такое раздвоение вертикали власти или изменение конфигурации на уровне управления привело к потере устойчивости и в конце концов оказалось губительным для СКБ. До этого времени контролируемые Вьет Минем районы были локализованы и не представляли особой опасности.

Офицеры ЦРУ начали с установления собственных контактов с ведущими полевыми командирами. С этого времени часть полевых командиров перешла под контроль второго центра управления. Наверху начинается борьба между двумя центрами управления, внизу — война между вооруженными отрядами. Столкновения между

Вторым отделением и ЦРУ привели, помимо боев в джунглях, к масштабным столкновениям в Сайгоне. Силы были неравны, и вскоре президентом в Южном Вьетнаме стал ставленник США. Франции пришлось оставить Индокитай. СКБ была уничтожена. Подавляющее большинство полевых командиров было ликвидировано вне зависимости от религиозной принадлежности и стороны, на которой они воевали. Патриотические силы залечивали раны, занимались перегруппировкой и готовились к новому этапу борьбы.

После ухода Франции из Индокитая и раздела Вьетнама на Северный и Южный США ликвидировали созданную Вторым отделением систему коллективной безопасности и создали на Юге некое подобие однопартийного парламентского государства с выборным президентом. Однако и при такой «демократической» структуре не обошлось без религиозного фактора. Созданная Нго Динь Ню ТПП в организационном плане копировала структуру коммунистической партии, принципиальная разница заключалась лишь в идеологической ориентации: коммунистический интернационализм был заменен католическим персонализмом.

Установив контроль над Южным Вьетнамом, США попытались создать нечто подобное французской системе коллективной безопасности, но не на региональном уровне, а на международном. В конфликт первоначально втягивали как можно больше участников, пытаясь при этом остаться в стороне. Именно с этими целями был создан военно-политический блок СЕАТО[19], где основными элементами выступали не религиозные секты, а ряд зависимых государств ЮВА. В этом видится попытка создать нечто подобное разрушенной СКБ, но не на региональном, а на международном уровне. Причем основные даты мирского пути СЕАТО достаточно хорошо синхронизируются с вьетнамскими событиями. Однако провал попыток ликвидации национально-освободительного движения во Вьетнаме свидетельствовал о наличии ряда серьезных просчетов в организации нового порядка. После освобождения Южного Вьетнама США приняли решение о роспуске СЕАТО за ненадобностью.

Разумеется, это была не единственная программа по умиротворению. Важную роль в политике США в те годы играла теория домино, в соответствии с которой в случае превращения одной из стран Юго-Восточной Азии в региональный оплот коммунизма произошло бы увеличение роли коммунистических элементов в соседних странах, что должно было бы вызвать цепную реакцию и дальнейшее распространение коммунизма в регионе. Следствием этого могло стать ослабление роли США в ЮВА. В этой связи предлагалось использовать все силы для борьбы с коммунизмом.

В первое время патриотические силы занимались восстановлением баз и каналов связи, а через несколько лет процесс принял необратимые формы. В конце 1960 годана территории Республики Вьетнам был образован НФОЮВ (Национальный Фронт Освобождения Южного Вьетнама). Создание подобной организации стало возможным в результате уничтожения Нго Динь Зьемом, вернее США, в 1954-1955 годах созданной французским военным командованием «системы коллективной безопасности». На региональном уровне не было создано ничего взамен, а основные усилия были сконцентрированы на католизации населения, которая проводилась грубыми силовыми методами. Именно это обстоятельство и послужило основной для восстановления баз освободительного движения в Южном Вьетнаме в 1960 году, а также усилением политической роли буддизма в ответ на политику религиозной дискриминации со стороны властей. Единственной значимой операцией в религиозной сфере стала так называемая «буддийская программа», которая в течение нескольких лет позволила устранить буддизм в качестве реального конкурента с южновьетнамской политической сцены.

После уничтожения СКБ в 1955 году патриотические силы в Южном Вьетнаме занимались восстановлением баз и каналов связи, а через несколько лет, особенно после появления «тропы Хошимина» в 1959 году, процесс принял необратимые формы. Поражение США стало лишь вопросом времени. Можно сказать, что дезинтеграция СКБ в 1954-1955 годах стала началом конца проамериканского режима в Южном Вьетнаме.

[1] Чан Ван Зау — руководитель Августовской революции в Южном Вьетнаме в 1945 году, в 1930-1932 годах проходил обучение в КУТВе в СССР, позднее руководил силами сопротивления в Южном Вьетнаме, видный деятель революционного движения.

[2] Нгуен Динь Дау — видный католический деятель, играл важную роль в политической и общественной жизни при южновьетнамских режимах.

[3] Ли Тянь Чунг — видный католический деятель, играл важную роль в политической и общественной жизни при южновьетнамских режимах.

[4] Ле Куанг Тан — до освобождения Южного Вьетнама играл видную роль в каодаистской церкви, после 1975 года провел 8 лет в лагерях по перевоспитанию, в настоящее время настоятель основного каодаистского храма в городе Хошимине.

[5] Хо Шон Даи — подполковник, канд. ист. наук, начальник отдела военной истории Седьмого военного округа (Юго-Восточная часть Южного Вьетнама).

[6] Зиновьев А.А. Пост-коммунистическая Россия. М., 1996. С.308.

[7] Savani A.M. Visages et images du Sud du Vietnam. -Saigon: Imprimerie francaise d'autre-mer 3, 1955.

[8]Ho? S?n ?a?i. Chie?n khu ?? mie?n ?o?ng Nam Bo? (1945–1954). HCM.: NXB t/p HCM, 1996.

[9] Соколов А.А. Коминтерн и Вьетнам. Подготовка вьетнамских политических кадров в коммунистических ВУЗах СССР. (Историко-политический очерк). М., 1998.

[10] В исторической литературе существует любопытная теория о «буддийском ренессансе», который якобы имел место в Южном Вьетнаме в интересующий нас период. Ряд католических авторов считают, что свободы и либерализм во времена существования колониального режима (1858-1954) и режима Нго Динь Зьема (1955-1963) привели к возрождению буддизма. По нашему мнению, данное положение не соответствует действительности. Никакого возрождения буддизма в эти годы не было и быть не могло. Для этого не было условий. Такое развитие религиозных сект, как это показано на диаграмме, свидетельствует лишь о глубоком кризисе буддизма. В течение нескольких лет (с 1926 по 1939 год) количество буддистов в Южном Вьетнаме сократилось на треть! Ведь сектанты рекрутировались именно из этой среды. В период не то что расцвета, а просто стабильного состояния того или иного религиозного направления всякая ересь немедленно уничтожается. Ни о каком дроблении на секты даже в период относительно стабильного развития не может быть и речи. Этот период, который обычно именуется «буддийским ренессансом», по большому счету следовало бы назвать периодом сект и ересей. Подробнее см.: Колотов В.Н. Южный Вьетнам: буддийский ренессанс, которого не было // Пятая буддологическая конференция. Тезисы. СПб, 1998. С. 8-14., — и: Колотов В.Н. Буддийский ренессанс в Южном Вьетнаме: проблема и историографии // XX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. Тезисы докладов. С-Пб, 2000. С.66-99.

[11] Колотов В.Н. Религия и политика в истории Южного Вьетнама в 1945-1963 гг. СПб., 1997.

[12] Kolotov V.N. South Vietnam in 1945–55: The Role of the Religious Sects in the Collective Security System // NIAS nytt № 2 July. Copenhagen, 1999. P.21-24.

[13]Ho? S?n ?a?i. Chie?n khu ?? mie?n ?o?ng Nam Bo? (1945–1954). HCM.: NXB t/p HCM, 1996. Tr. 213.

[14] Иногда в литературе встречается иное название данного населенного пункта — Жынгшат.

[15]Pha?m Va?n S?n. Vie?t Nam bie?n nie?n s??. Che? ?o? Pha?p thuoc ?? Vie?t Nam. -SG., 1972. Та?р 7. Tr. 178.

[16] Новакова О.В. Интеллигенция Вьетнама: традиционные и современные модели социального поведения // Второй советско-французский симпозиум по Юго-Восточной Азии. Париж, 1991. С.182.

[17] Savani A.M. Visages et images du Sud du Vietnam. Saigon, Imprimerie francaise d`autre-mer 3), 1955.

[18] Ba?n a?n hoa?t ?o?ng pha?n Ca?ch ma?ng cu?a mo?t so? te?n pha?n ?o?ng trong gi??i ca?m ?a?u gia?o pha?i Cao ?a?i Ta?y Ninh. Ta?y Ninh: NXB Hoa?ng Le? Kha, 1978. Tr. 1.

[19] СЕАТО — Организация договора ЮВА (South East Asia Treaty Organization). Эта военно-политическая группировка предназначалась для борьбы с национально-освободительным движением в странах ЮВА. Оформлена договором, подписанным в Маниле (Филиппины) 8 сентября 1954 года представителями США, Великобритании, Франции (с 1965 года стала ограничивать свое участие), Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин и Пакистана (в 1973 году вышел из СЕАТО). В сентябре 1975 года принято решение о роспуске СЕАТО. В июне 1977 года данная организация прекратила свое существование.